

Н. С. ЛЕСКОВ

- [Николай Лесков](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
-

Николай Лесков

Старый гений

*Гений лет не имеет – он преодолевает все, что
останавливает обыкновенные умы.*

Ларошфуко

Глава первая

Несколько лет назад в Петербург приехала маленькая старушка-помещица, у которой было, по ее словам, «вопиющее дело». Дело это заключалось в том, что она по своей сердечной доброте и простоте, чисто из одного участия, выручила из беды одного великосветского франта, – заложив для него свой домик, составлявший все достояние старушки и ее недвижимой, увечной дочери да внучки. Дом был заложен в пятнадцати тысячах, которые франт полностью взял, с обязательством уплатить в самый короткий срок.

Добрая старушка этому верила, да и не мудрено было верить, потому что должник принадлежал к одной из лучших фамилий, имел перед собою блестящую карьеру и получал хорошие доходы с имений и хорошее жалованье по службе. Денежные затруднения, из которых старушка его выручила, были последствием какого-то мимолетного увлечения или неосторожности за картами в дворянском клубе, что поправить ему было, конечно, очень легко, – «лишь бы только доехать до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой приязни, помогла ему; он благополучно уехал в Питер, а затем, разумеется, началась довольно обыкновенная в подобных случаях игра в кошку и мышку. Приходят сроки, старушка напоминает о себе письмами – сначала самыми мягкими, потом немножко пожестче, а наконец, и бранится – намекает, что «это нечестно», но должник ее был зверь травленный и все равно ни на какие письма не отвечал. А между тем время уходит, приближается срок закладной – и перед бедной женщиной, которая уповала дожить свой век в своем домишке, вдруг разверзается страшная перспектива холода и голода с увечной дочерью и маленькою внучкою.

Старушка в отчаянии поручила свою больную и ребенка доброй соседке, а сама собрала кое-какие крохи и полетела в Петербург «хлопотать».

Глава вторая

Хлопоты ее вначале были очень успешны: адвокат ей встретился участливый и милостивый, и в суде ей решение вышло скорое и благоприятное, но как дошло дело до исполнения – тут и пошла закорюка, да такая, что и ума к ней приложить было невозможно. Не то, чтобы полиция или иные какие пристава должнику мирволили – говорят, что тот им самим давно надоел и что они все старушку очень жалеют и рады ей помочь, да *не смеют* ... Было у него какое-то такое могущественное родство или свойство, что нельзя было его приструнить, как всякого иного грешника.

О силе и значении этих связей достоверно не знаю, да думаю, что это и не важно. Все равно – какая бабушка ему ни ворожила и все на милость преложила.

Не умею тоже вам рассказать в точности, что над ним надо было учинить, но знаю, что нужно было «вручить *должнику* с распискою» какую-то бумагу, и вот этого-то никто – никакие лица никакого уряда – не могли сделать. К кому старушка ни обратится, все ей в одном роде советуют:

– Ах, сударыня, и охота же вам! Бросьте лучше! На очень вас жаль, да что делать, когда он никому не платит. Утешьтесь тем, что не вы первая, не вы и последняя.

– Батюшки мои, – отвечает старушка, – да какое же мне в этом утешение, что не мне одной худо будет? Я голубчики, гораздо лучше желала, чтобы и мне и всем другим хорошо было.

– Ну, – отвечают, – чтоб всем-то хорошо – вы уж это оставьте, это специалисты выдумали, и это невозможно.

А та, в простоте своей, пристаёт:

– Почему же невозможно? У него состояние во всяком случае больше, чем он всем нам должен, и пусть он должное отдаст, а ему еще много останется.

– Э, сударыня, у кого «много», тем никогда много не бывает, а им всегда недостаточно, но главное дело в том, что он платить не привык, и если очень докучать станете – может вам неприятность сделать.

– Какую неприятность?

– Ну, что вам расспрашивать: гуляйте лучше тихонько по Невскому проспекту, а то вдруг уедете.

– Ну, извините, – говорит старушка, – я вам не поверю – он замотался, но человек хороший.

– Да, – отвечают, – конечно, он барин хороший, но только дурной платить; а если кто этим занялся, тот и все дурное сделает.

– Ну, так тогда употребите меры.

– Да вот тут-то, – отвечают, – и точка с запятой: мы не можем против всех «употреблять меры». Зачем с такими знались.

– Какая же разница?

А вопрошаемые на нее только посмотрят да отвернутся или даже предложат идти высшим жаловаться.

Глава третья

Ходила она и к высшим. Там и доступ труднее и разговору меньше, да и отвлеченнее.

Говорят: «Да где он? о нем доносят, что его нет!»

– Помилуйте, – плачет старушка, – да я его всякий день на улице вижу – он в своем доме живет.

– Это вовсе и не его дом. У него нет дома: это дом его жены.

– Ведь это все равно: муж и жена – одна сатана.

– Это вы так судите, но закон судит иначе. Жена у него тоже счета предъявляла и жаловалась суду, и он у нее не значится... Он, черт его знает, он всем нам надоел, – и зачем вы ему деньги давали! Когда он в Петербурге бывает – он прописывается где-то в меблированных комнатах, но там не живет. А если вы думаете, что мы его защищаем или нам его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймите, – это ваше дело, – тогда ему *«вручат»*.

Утешительнее этого старушка ни на каких высотах чего не добилась, и, по провинциальной подозрительности, стала шептать, будто все это «оттого, что сухая ложка рот дерет».

– Что ты, – говорит, – мне не уверяй, а я вижу все оно от того же самого движет, что *надо смазать*.

Пошла она «мазать» и пришла еще более огорченная. Говорит, что «прямо с целой тысячи начала», то есть обещала тысячу рублей из взысканных денег, но ее и слушать не хотели, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трех тысяч, то ее даже попросили выйти.

– Трех тысяч не берут за то только, чтобы бумажку вручить! Ведь это что же такое?.. Нет, прежде лучше было.

– Ну, тоже, – напоминаю ей, – забыли вы, верно, как тогда хорошо шло: кто больше дал, тот и прав был.

– Это, – отвечает, – твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало, его спросишь: «Можно ли?» – а он отвечает: «В России невозможности нет», и вдруг выдумку выдумает и сделает. Вот мне и теперь один такой объявился и пристаёт ко мне, да не знаю: верить или нет? Мы с

ним вместе в Мариинском пассаже у саечника Василья обедаем, потому что я ведь теперь экономлю и над каждым горшечником тряпачусь – горячего уже давно не ем, все на дело берегу, а он, верно, тоже по бедности или питающийся... но преубедительно говорит: «дайте мне пятьсот рублей – я вручу». Как ты об этом думаешь?

– Голубушка моя, – отвечаю ей, – уверяю вас, что вы меня своим горем очень трогаете, но я и своих-то дел вести не умею и решительно ничего не могу вам посоветовать. Расспросили бы вы по крайней мере о нем кого-нибудь: кто он такой и кто за него поручиться может?

– Да уж я саечника расспрашивала, только он ничего не знает. «Так, говорит, надо думать, или купец притишил торговлю, или подупавший из каких-нибудь своих благородий».

– Ну, самого его прямо спросите.

– Спрашивала – кто он такой и какой на нем чин? «Это, говорит, в нашем обществе рассказывать совсем лишнее и не принято; называйте меня Иван Иваныч, а чин на мне из четырнадцати овчин, – какую захочу, ту вверх шерстью и выворочу».

– Ну, вот видите, – это, выходит, совсем какая-то темная личность.

– Да, темная... «Чин из четырнадцати овчин – это я понимаю, так как я сама за чиновником была. Это значит, что он четырнадцатого класса. А насчет имени и рекомендаций, прямо объявляет, что насчет рекомендаций, говорит, я ими пренебрегаю и у меня их нет, а я гениальные мысли имею и знаю достойных людей, которые всякий мой план готовы привести за триста рублей в исполнение».

«Почему же, батюшка, непременно *триста*?»

«А так уж это у нас такой прификс, с которого мы уступать не желаем и больше не берем».

«Ничего, сударь, не понимаю».

«Да и не надо. Нынешние ведь много тысяч берут, а мы сотни. Мне двести за мысль и за руководство да триста исполнителю герою, в соразмере, что он может за исполнение три месяца в тюрьме сидеть, и конец дело венчает. Кто хочет – пусть нам верит, потому что я всегда берусь за дела только за невозможные; а кто веры не имеет, с тем делать нечего», – но что до меня касается, – прибавляет старушка, – то, представь ты себе мое искушение:

я ему почему-то верю...

- Решительно, – говорю, – не знаю, отчего вы ему верите?
 - Вообрази – предчувствие у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и все это как-то так тепло убеждает довериться.
 - Не подождать ли еще?
 - Подожду, пока возможно.
- Но скоро это сделалось невозможно.

Глава четвертая

– Приезжает ко мне старушка в состоянии самой трогательной и острой горести: во-первых, настает Рождество; во-вторых, из дому пишут, что дом на сих же днях поступает в продажу; и в-третьих, она встретила своего должника под руку с дамой и погналась за ними, и даже схватила его за рукав, и взывала к содействию публики, крича со слезами: «Боже мой, он мне должен!» Но это повело только к тому, что ее от должника с его дамою отвлекли, а привлекли к ответственности за нарушение тишины и порядка в людном месте. Ужаснее же этих трех обстоятельств было четвертое, которое заключалось в том, что должник старушки добыл себе заграничный отпуск и не позже как завтра уезжает с роскошною дамою своего сердца за границу – где наверно пробудет год или два, а может быть и совсем не вернется, «потому что она очень богатая».

Сомнений, что все это именно так, как говорила старушка, не могло быть ни малейших. Она научилась зорко следить за каждым шагом своего неуловимого должника и знала все его тайности от подкупленных его слуг.

Завтра, стало быть, конец этой долгой и мучительной комедии: завтра он несомненно улизнет, и надолго, а может быть, и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за миг иль краткое мгновенье.

Старушка все это во всех подробностях повергла уже обсуждению дельца, имеющего чин из четырнадцати овчин и тот там же, сидя за ночвами у саечника в Мариинском пассаже, отвечал ей:

«Да, дело кратко, но помочь еще можно: сейчас пятьсот рублей на стол, и завтра же ваша душа на простор: а если не имеете ко мне веры – ваши пятнадцать тысяч пропали».

– Я, друг мой, – рассказывает мне старушка, – уже решилась ему довериться... Что же делать: все равно ведь никто не берется, а он берется и твердо говорит: «Я вручу». Не гляди, пожалуйста, на меня так, глаза испытующи. Я нимало не сумасшедшая, – а и сама ничего не понимаю, но только имею к нему какое-то таинственное доверие в

моем предчувствии, и сны такие снились, что я решилась и увела его с собою.

– Куда?

– Да видишь ли, мы у саечника ведь только в одну пору, всё в обед встречаемся. А тогда уже поздно будет, – так я его теперь при себе веду и не отпущу до завтраго. В мои годы, конечно, уже об этом никто ничего дурного подумывать не может, а за ним надо смотреть, потому что я должна ему сейчас же все пятьсот рублей отдать, и без всякой расписки.

– И вы решаетесь?

– Конечно, решаюсь. – Что же еще сделать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала, и он теперь ждет меня в трактире, чай пьет, а я к тебе с просьбою: у меня еще двести пятьдесят рублей есть, а полтора ста нет. Сделай милость, ссуди мне, – я тебе возвращу. Пусть хоть дом продадут – все-таки там полтора ста рублей еще останется.

Знал я ее за женщину прекрасной честности, да и горе ее такое трогательное, – думаю: отдаст или не отдаст – господь с ней, от полтора ста рублей не разбогатеешь и не обеднеешь, а между тем у нее мучения на душе не останется, что она не все средства испробовала, чтобы «вручить» бумажку, которая могла спасти ее дело.

Взяла она просимые деньги и поплыла в трактир к своему отчаянному дельцу. А я с любопытством дожидал ее на следующее утро, чтобы узнать: на какое еще новое штукарство изловчатся плутовать в Петербурге?

Только то, о чем я узнал, превзошло мои ожидания: пассажный гений не постыдил ни веры, ни предчувствий доброй старушки.

Глава пятая

На третий день праздника она влетает ко мне в дорожном платье и с саквояжем, и первое, что делает, – кладет мне на стол занятые у меня полтораста рублей, а потом показывает банковую, переводную расписку с лишком на пятнадцать тысяч...

– Глазам своим не верю! Что это значит?

– Ничего больше, как я получила все свои деньги с процентами.

– Каким образом? Неужто все это четырнадцативчинный Иван Иваныч устроил?

– Да, он. Впрочем, был еще и другой, которому он от себя триста рублей дал – потому что без помощи этого человека обойтись было невозможно.

– Это что же еще за деятель? Вы уж расскажите все, как они вам помогали!

– Помогли очень честно. Я как пришла в трактир и отдала Ивану Иванычу деньги – он сосчитал, принял и говорит: «Теперь, госпожа, поедем. Я, говорит, гений по мысли моей, но мне нужен исполнитель моего плана, потому что я сам таинственный незнакомец и своим лицом юридических действий производить не могу». Ездили по многим низким местам и по баням – всё искали какого-то «сербского сражателя», но долго его не могли найти. Наконец нашли. Вышел этот сражатель из какой-то ямки, в сербском военном костюме, весь оборванный, а в зубах пипочка из газетной бумаги, и говорит: «Я все могу, что кому нужно, но прежде всего надо выпить». Все мы трое в трактире сидели и торговались, и сербский сражатель требовал «по сту рублей на месяц, за три месяца». На этом решили. Я еще ничего не понимала, но видела, что Иван Иваныч ему деньги отдал, стало быть он верит, и мне полегче стало. А потом я Ивана Иваныча к себе взяла, чтобы в моей квартире находился, а сербского сражателя в бани ночевать отпустили с тем, чтобы утром явился. Он утром пришел и говорит: «Я готов!» А Иван Иваныч мне шепчет: «Пошлите для него за водочкой: от него нужна смелость. Много я ему пить не дам, а немножко необходимо для храбрости: настает самое главное его исполнение».

Выпил сербский сражатель, и они поехали на станцию железной дороги, с поездом которой старушкин должник и его дама должны были уехать. Старушка все еще ничего не понимала, что такое они замыслили и как исполнят, но сражатель ее успокоивал и говорил, что «все будет честно и благородно». Стала съезжаться к поезду публика, и должник явился тут, как лист перед травой, и с ним дама; лакей берет для них билеты, а он сидит с своей дамой, чай пьет и тревожно осматривается на всех. Старушка спряталась за Ивана Иваныча и указывает на должника – говорит: «Вот – он!»

Сербский воитель увидал, сказал «хорошо», и сейчас же встал и прошел мимо франта раз, потом во второй, а потом в третий раз, прямо против него остановился и говорит:

– Чего это вы на меня так смотрите?

Тот отвечает:

– Я на вас вовсе никак не смотрю, я чай пью.

– А-а! – говорит воитель, – вы не смотрите, а чай пьете? так я же вас заставлю на меня смотреть, и вот вам от меня к чаю лимонный сок, песок и шоколаду кусок!.. – Да с этим – хлоп, хлоп, хлоп! его три раза по лицу и ударил.

Дама бросилась в сторону, господин тоже хотел убежать и говорил, что он теперь не в претензии; но полиция подскочила и вмешалась: «Этого, говорит, нельзя: это в публичном месте», – и сербского воителя арестовали, и побитого тоже. Тот в ужасном был волнении – не знает: не то за своей дамой броситься, не то полиции отвечать. А между тем уже и протокол готов, и поезд отходит... Дама уехала, а он остался... и как только объявил свое звание, имя и фамилию, полицейский говорит: «Так вот у меня кстати для вас и бумажка в портфеле есть для вручения». Тот – делать нечего – при свидетелях поданную ему бумагу принял и, чтобы освободить себя от обязательств о невыезде, немедленно же сполна и с процентами уплатил чеком весь долг свой старушке.

Так были побеждены неодолимые затруднения, правда восторжествовала, и в честном, но бедном доме водворился покой, и праздник стал тоже светел и весел.

Человек, который нашелся – как уладить столь трудное дело, кажется, вполне имеет право считать себя в самом деле гением.

Впервые опубликовано – журнал «Осколки», 1884.